

К юбилею профессора Н.Е. Ананьевой

К.В. Лифанов (Москва, Россия)

История в языке «Левочских формул присяг» XVI–XIX вв.

Аннотация: В статье рассматриваются обусловленные историческими событиями изменения в языке присяг, создававшихся в восточнословацком городе Левоча на протяжении нескольких веков. К числу этих событий относятся передача в залог Польскому королевству нескольких соседних городов, возрастание значения Западной Словакии после включения большей части Венгерского королевства в состав Османской империи, Реформация и рекатолизация населения. Вместе с тем язык памятника демонстрирует, что тенденции развития его языка, несмотря на отклонения, в целом совпадали с общесловацкими, ведущими к унификации письменного языка по югозападнословацкому образцу, хотя и с незначительными региональными отличиями.

Ключевые слова: формулы присяг, передача в залог, фонетические полонизмы, протестанты, типография, диалектные особенности, рекатолизация, общесловацкие тенденции

K. V. Lifanov (Moscow, Russia)

History in the language of “Levoča Formulas of Oaths” from the 16th–19th centuries

Abstract: The article examines the changes caused by historical events in the language of oaths created in the Eastern Slovak city of Levoča for several centuries. These events include the transfer of several neighboring cities as collateral to the Polish Kingdom, the increasing importance of Western Slovakia after the inclusion of most of the Hungarian Kingdom into the Ottoman Empire, the Reformation and recatolization of the population. At the same time, the language of the monument demonstrates that the trends in the development of its language, despite the deviations, generally coincided with the general Slovak ones, which led to the unification of the written language according to the Southwestern Slovak model, although with minor regional differences.

Key words: oath formulas, pledge, phonetic polonisms, Protestants, typography, dialect features, recatolization, general Slovak tendencies

В настоящее время Левоча представляет собой небольшой восточнословацкий городок с 15-тысячным населением, но с богатейшими историческими памятниками, включенными ЮНЕСКО в список всемирного наследия, среди которых назовем базилику св. Иакова с уникальным резным алтарем, изготовленным мастером Павлом, костел Девы Марии, средневековую ратушу, «клетку позора», в которой содержались преступники за не слишком тяжелые преступления, и многие другие. Такое количество исторических памятников свидетельствует о том, что в прошлом Левоча имела важное экономическое и культурное значение не только в регионе Спиша¹, но и в Восточной Словакии в целом; и была центром международной торговли прежде всего с Польшей, а также с Россией и Балканами. Уже во второй половине XIII в. Левоча получает статус свободного королевского города с соответствующими привилегиями. Значимость Левочи обусловила формирование собственной традиции вступления в некоторые должности (судей, свидетелей, палачей, стражей, лесников, мельников и т. д.), в результате чего создавались тексты присяг на немецком и словацком языках. Тексты присяг на словацком языке сохранились до наших дней и были опубликованы в 1951 г. [Štolc 1951]. Хотя данное собрание присяг и невелико по объему (оно состоит из 16 текстов общим объемом 7, 5 печатных страниц), оно безусловно представляет научный интерес, так как охватывает значительный временной диапазон (первый текст датирован 1552 г., а последний – серединой XIX в.). Иными словами, несколько текстов или даже один текст являются самостоятельными синхронными срезами, т. е. памятник представляет собой последовательно сменяющиеся синхронные срезы. А поскольку язык восточнословацких памятников в целом развивался в русле эволюции общесловацкой письменности (ср., например, [Lifanov 2017]), он отражал основные тенденции его развития. Многие же языковые особенности текстов были обусловлены историческими событиями, происходившими в стране в целом или в данном регионе. В этом смысле особенно показателен текст самой ранней присяги, датированный 1552 г.

Ein windischer aid der Dorffrichter

Ja N. priseham Panu Bohu i jeho svetemu slovu, že chcem veren a pošlušen byc panu richtarovi i radze tegoto miesta a ich česc i požitek šukac i dzelac i škody ich varovac a chcem každemu prava dopomoc, ubogemu jak i bogatemu, cudzemu jako i domašnemu a nechce² tego ochabic dla prijazni, abo dla neprijazni, abo dla darov, ale každemu zpravedlivosci dopomoc pres omieškania a vdovy i siroty broníc vedlug moje najvyše moci a žadne reči niezatajíc, co by byla ku požitku abo škodze tegoto miesta, alie panu richtarovi i radze to oznamic. Tak mi Bug pomagaj i jeho svete slova. Amen.

Приведенный текст буквально перенасыщен полонизмами, среди которых следует различать прямые и опосредованные. Прямыми являются непосредственно элементы польского языка, представленные в тексте присяги. Прежде всего это взрывное *g* в лексемах и словоформах, в которых в восточнословацком диалекте³ оно невозможно, ср.: *chcem veren a pošlušen (!) byc panu richtarovi i radze tegoto miesta; chcem každemu prava dopomoc, ubogemu jako i bogatemu; co by bylo ku po-*

¹ Восточная Словакия имеет четыре исторических региона: Спиш, Шариш, Абов и Земплин.

² При публикации присяг в данной форме было добавлено окончание *-m: nechse[m]*.

³ В словацком языке, включая восточнословацкий диалект, в некоторых лексемах, главным образом в сочетании *zg*, не произошло изменение исконно взрывного *g* в фарингальное *h*, а также в некоторых звукоподражательных словах, например: *mozgu* 'мозги', *miazga* 'сок дерева', *glg* 'плоток' и т. д. В статье же идет речь о тех словах, в которых в словацком языке произошло указанное изменение, но в текстах представлены лексемы со взрывным *g*.

žitku abo škodze *tegoto* miesta; vdovi i siroty bronie *vedlug* moje najvyše moci, Tak mi *Bug pomagaj*. Кроме того, в тексте фиксируется пример с рефлексом *trot* на месте праславянского сочетания **tort*, тогда как в восточнословацком диалекте, как и в словацком языке в целом, названное сочетание изменилось в *trat*¹: *vdovi i siroty bronie* (слов. *brániť* 'защищать') *vedlug* moje najvyše moci.

Не исключено, что и форма *nechse* отражает польскую огласовку (*nie chcę*), поскольку в польском языке к XVII в. на конце слова происходит деназализация *ę* [Ананьева 1994: 139].

Лексическим полонизмом является предлог *vedlug*: *vdovi i siroty bronie vedlug* moje najvyše moci (*bronić według mocy* 'защищать изо всех сил' – слов. лит. *brániť zo všetkých síl*), а также слово *prijazň* (польск. *przyjaźń* 'дружба'), поскольку в словацком литературном языке в этимологически коррелирующем слове *priažeň* 'благодарность, дружелюбие' представлена контракция, а в восточнословацком диалекте оно вообще не фиксируется: *nechse tego ochabie dla prijazni, abo dla neprijazni*.

В тексте присяги представлена также группа явлений восточнословацкого диалекта, имеющая параллели в польском языке, что, возможно, способствовало их проникновению в текст. Это прежде всего результаты ассибиляции, т. е. изменения *t' > c* и *d' > dz*, а также наличие гласного *e* как рефлекса **e* в позиции перед твердым согласным, например: *panu richtarovi i radze tegoto miesta; ich česc i požitek šukac i dzelac i škody ich varovac; žadne reči niezatajic; Ja N. priseham Panu Bohu i jeho svetemu slovu; Tak mi Bug pomagaj i jeho svete slova*.

Концентрация полонизмов в тексте данной присяги не случайна. Дело в том, что император Священной Римской империи и венгерский король Сигизмунд Люксембургский 8 ноября 1412 г. передал Польскому королевству 34 населенных пунктов Спиша в качестве залога за невыплаченный долг. Акт о передаче в настоящее время хранится в Библиотеке Чарторийских в Кракове [Vojtas 1968: 38]. Переданные территории представляли собой анклав вокруг Левочи, но сама Левоча в их число не входила. Спишские населенные пункты, переданные в залог Польше, формально оставались в составе сначала Венгерского королевства, а затем Австрийской империи, однако в них была польская администрация и не действовали некоторые венгерские и австрийские законы. Венгерское королевство, а затем Австрийская империя пытались вернуть эти территории, причем даже предлагали выплатить долг, однако это не находило понимания у польских правителей. Возвратить эти территории удалось только в 1772 г. императрице Марии Терезии вследствие первого раздела Польши [Suchý 1974: 71]. Кроме того, в середине XVI в. Левоча становится экономическим центром всего восточнословацкого региона, так как Кошице утратили лидирующие позиции, оказавшись на самой границе с Османской империей после захвата последней Среднедунайской низменности. Именно в Левоче была сосредоточена торговля с Польшей, в том числе и транзитная [Slovensko 1978: 339]. Столь тесные контакты Левочи с Польшей оказали самое существенное влияние на характер языка записи 1552 г.

Поскольку администрация в находящихся в залоге спишских городах была польская, можно с уверенностью предположить, что делопроизводство в них велось на польском языке. Косвенным доказательством этого является влияние польского языка на документы других населенных пунктов Спиша, не входивших в число городов в залоге, в том числе и Левочи [Lengová 2012: 9], о чем свидетель-

¹ В восточнословацком диалекте фиксируются отдельные лексемы с сочетанием *trot* типа *chlöp / hlöp*, но они рассматриваются как единичные заимствования из польского языка [Krajčovič 1974: 26].

ствует наиболее ранняя запись «Левочских формул присяг». Однако уже последующие тексты отражают его существенное ослабление; ср.:

Конец XVI в.

Drabanten windischer Eid

Ja N. sľubujem i prisaham Panu Bohu i jeho svetemu slovu, že chcem veren a posľušen byť panu richtarovi i radze tohoto miesta, verne a spravedlive na vartie, na brane, na mure sľužiťi a gďzekolik me poslati budu, verno v tymto choditi. Takže mi Pan Buoň pomahaj i jeho svete slovo. Amen.

1609–1619

Ja N. pľisahám Panu Bohu i jeho svatemu slovu, že chcem veřný, posľušný, melč[en]livý a poddaný byti panu richtarovi i raddě tohoto mesta, jich poctivost a užitek podle meho uradu obraniti a všecko, co by bylo proti mestu z nej...(?) vernosti hnedky oznamiti pred mojimi pany a vždycy z gruntovnej pravdy pri[ji]ti a na žadne[h]o z nepravdy anebo z nenavisti u panov obžalovati. Věžnuv, kteri su do meho vedeni dani, verne zavarovati a jich tak opatřiti, jako mi od mych panu jest prikazano. A chcem se ve všeckych vecech verne spravovati a žadnych daruv nepožadati. Takže mi Pan Buch pomahej i jeho svate slova.

1609–1619

Ja N. sľubujem a prisaham Panu Bohu i svatemu evangelium, že najjasnejšimu krali Matiašovi, našemu najľaskavejšimu panu, jakšto pravemu dedičnemu panu, tež mudremu a opatrnemu panu richtarovi a poctivej raddy tohoto kralovskeho mesta Levoči, verny a posľušny byti a chcem jejich prava, rozkazy, zapovedi a poradne postaveni trimati, jejich dobre, čest a užitek fedrovati a od škody varovati a je odvratiti podle najlepšej možnosti mojej. A kdybych se nejakych veci dovedel, odkud by panu richtarovi, aneb poctivej raddy, aneb obecnemu mestu Levoči nešťesti aneb škoda nastati mohla, jim vedle naležitosti a povinnosti oznamiti. A chcem všecko naplniti, činiti a zanechati, co vernemu mešťianiovi proti verchnosti svojej z obyčeu a z prava dľužen jest, verne a bez falše. Tak mi Boh pomahaj i jeho svate slovo. Amen.

В приведенных текстах исчезают прямые заимствования из польского языка: не фиксируется взрывное *g*, за исключением тех случаев, когда оно представлено в словацком языке (например, в словах *gazdovstvo*, *magistrat*), отсутствует и группа *trot*, восходящая к праславянскому сочетанию **tort*: *jich poctivost a užitek podle uradu obraniti* (1609–1619); *tehoto kralovskeho mesta Levoči* (1609–1619); *od škody varovati a je odvratiti* (1609–1619); *vdovy a siroty vedle mej najvešej možnosti braniti* (1675); *naležite veci a riady od škody braniti a chraniťi* (1675) и т. д. Данные тексты отражают все большую вовлеченность их языка в сферу общесловацкой письменности. Это объясняется тем, что после битвы у Мохача (1526 г.) до 1783 г. Пожонь (Пресбург, ныне Братислава) становится столицей Венгерского королевства, а Надьсомбат (ныне Трнава) до 1820 г. – резиденцией венгерского архиепископа. Все это способствовало тому, что письменная традиция, формировавшаяся в Юго-Западной Словакии, начала оказывать влияние на канцелярии, существовавшие на всей территории Словакии. И хотя перемещение центра политической и культурной жизни Венгерского королевства в Словакию произошло несколько раньше, еще до создания текста первой присяги, этот факт находит отражение только в текстах присяг конца XVI – начала XVII в. Указанное влияние проявляется в вытеснении польских и в некоторой степени местных диалектных

элементов. Другой не менее важной причиной вытеснения полонизмов являлось распространение Реформации в Словакии, которая приобрела особенно сильные позиции именно на востоке страны. Здесь, в Бардеёве, в 1581 г. выходит первое издание перевода «Катехизиса» М. Лютера, а в Левоче в 1624 г. была основана преимущественно протестантская типография Вавринца Бревера, которая функционировала до середины XVIII в., причем книги выходили на всех языках, распространенных в Венгерском королевстве. Примечательно, что ряды потенциальных авторов расширились за счет эмигрантов из Чехии [Žibritová 2008: 126]. Не удивительно, что в языке присяг усиливаются чешские особенности. К их числу отнесем йотацию губных перед е < *ě в слове *miesto* (в словоформе *omieškania*, вероятнее всего, сочетание графем *ie* не отражает йотации, так как она здесь просто невозможна; очевидно, такое написание следует объяснять влиянием польской орфографии), а также общее для чешского и словацкого языков наличие фонемы *h* (*priseham, Bohu, jeho*). Кроме того, обнаруживается и стяженная, хотя и неверно образованная форма род. пад. ед. ч. прилагательного, ставшая к этому времени в памятниках словацкого происхождения очевидным архаизмом: *vedlug moje najvyšše moci* (чешск. *podle mé nejvyšší moci*, слов. *podľa mojej najvyššej moci*). Показательны также сбои в отражении результатов ассимиляции, отсутствовавших как в чешской, так и в формирующейся югозападнорословацкой письменности; ср.: *na vartie, na brane, na mure služiti a **gdzekolik** me poslati budu; verno v tymto choditi; chtem¹ veren a poslušen byť panu richtarovi i **radze** tohoto miesta.*

Начинается также процесс закрепления в системе языка «Левочских формул присяг» слоговых *r* и *l*, что обнаруживается уже в текстах начала XVII в.: *chcem veřný, poslušný, **melč[en]livý*** (совр. слов. лит. *mlčanlivý*) *a poddaný byti; so vernemu mešťaninovi proti **verchnosti*** (совр. слов. лит. *vrchnosť*) *svojej z obyčaju a z prava dlužen jest; mudremu a **opatrnemu** panu richtarovi; A chcem všeco **naplniti*** (1609–1619).

Весьма примечательным фактом является вытеснение гласного *e*, возникшего из **e*, гласным *a* в позиции перед твердым согласным. Как уже отмечалось ранее, в тексте 1552 г. *e* фиксируется последовательно, однако в конце XVI в. словоформа *prisaham* записывается с гласным *a* (в более поздних текстах она также не встречается в первоначальной огласовке), тогда как в словоформах прилагательного *svety* – с гласным *e*. Начиная же с текста, датированного 1609–1619 гг., и во второй лексеме также находим лишь гласный *a*. Ср. примеры: *Ja N. sľubujem i prisaham Panu Bohu i jeho svetemu slovu; Takže mi Pan Buoh pomahaj i jeho svete slovo* (конец XVI в.); *Ja N. pľisaham Panu Bohu i jeho svatemu slovu; Takže mi Pan Buch pomahaj i jeho svate slova; Ja N. sľubujem a prisaham Panu Bohu i svatemu evangelium; Tak mi Buch pomahaj i jeho svate slovo* (1609–1619). При этом воздействие письменного языка оказалось столь существенным, что книжная форма *svatý* вытеснила исконную даже из спишских говоров восточнословацкого диалекта [Atlas 1968: 84–95].

Как мы уже отмечали выше, позиции протестантов в Восточной Словакии были более сильными, чем во многих других районах Словакии. Не случайно, что именно здесь, в Прешове, в 1667 г. было основано высшее учебное заведение – коллегийум, – «которое стало достойным противовесом Трнавскому университету и иезуитской академии в Кошице» [Slovensko 1978: 378–379]. В связи с этим рекаатолизация в Левоче несколько задерживается во времени и осуществляется только в конце XVII – начале XVIII в. [Slovensko 1994: 228]. Записи, сделанные в

¹ Форма *chtem* представляет особый интерес, поскольку отражает процесс реституции согласного *t* из **tj*, а не *ť*. Иными словами, аффриката *s* в данном слове отношения к ассимиляции не имеет.

евангелический период истории Левочи, однако, свидетельствуют о том, что языковое развитие в сфере деловой письменности в это время было общим как для католиков, так и для протестантов, поскольку обнаруживаются такие процессы, которые все более сближают язык Левочских формул присяг с общесловацкой письменной традицией, ориентированной на письменный язык Юго-Западной Словакии. В качестве примера приведем фрагмент присяги мельника, датированный 1675 г.

Mlynarska prisaha

Ja N. prisaham ku Panu Bohu, že v mojej tejto službe a mlynarskem urade, ku kteremu od vrchnosti mej a mesta rizeny, verne a pilne pokračovati, všudy a vždycky v povolani mem spravdlivea poslušne se zachovavaťi, od škody braniťi; kameňe v čas potrebný dostatečne klepati a potom po klepaňi otruby, aneb co inše na to suce podle obyčeje ku vyčist'eni kameňe nasypati a dokud' se to nestaňe, žadne a ničije obili na škodu lidem nem'eti, ale o to se starati, aby jednemu každemu človeku, kterýžto by do mlyna bud'ťo pekar, neb inši pospolity človek, bohaty, neb chudobny, mleťi prinesel, jeho zboží, bud'ťo pšenica, žito, jarec, slad, pekňe zemleno bylo, takže by se žadnemu nič nestaňilo, nepřemeňilo, neodsypalo, neb nezanedbalo aňi skrze mňe, aňi skrze mej čeledi, ani inšeho kohokolvek; mechy ani ze zbožim, ani prazne nepřemieňiťi, aňi inše žadne falešnosti nečiňiti, aňi to čiňiti nedopusťiťi...

На это в первую очередь указывают типичные западнословацкие формы частей на *-l* со вставным гласным *-e-* (*budto pekar, neb inši pospolity človek, bohaty, neb chudobny, mleťi prinesel*) и род. пад. мн. ч. мужского рода, а также омонимичные им формы вин. пад. мн. ч. одушевленных существительных с флексией *-uv*, характеризующие прежде всего язык западнословацкой письменности и употребляемые параллельно с соответствующими формами с флексией *-ov* (*podle ustanovenych artikuluv – a co by vyše 26 kablov se nalezlo*). О дальнейшем приближении языка рассматриваемого памятника к общесловацкой письменной традиции свидетельствует полное закрепление в его фонетической системе слоговых *r* и *l*: *mudremu, slovutnemu a opatrnemu panu richtarovi; chcem poslušne, verne a bez všelikeho falše plniti; od vrchnosti mej a mesta tohoto; aňi skrze mňe, aňi skrze mej čelad'i; kuprotivenstvi, ne[b] k škode zadržavati; pretržky zapravovati*.

Подобным примером из области морфологии является вытеснение восточнословацких форм предл. пад. ед. ч. адъективалий мужского рода с флексией *-im* общесловацкими (в языке письменности) формами с флексией *-ém*. Ср. примеры: *verno v tymto choditi* (конец XVI в.); *v mojej tejto službe a mlynarskem urade; človeka toho, na kterem by poradok byl mleťi; na mňe ustanovenem platu; Tak si mi v tem (!) Pan Buch pomahaj; budto byla v rade, an[e]b v inšem v jakemkolvek stave (1675)*. Среди приведенных примеров особенно примечательны формы *tem* и *inšem*, показывающие, что данное явление имеет словацкую природу, поскольку форма указательного местоимения здесь образована по аналогии с прилагательными, а форма *inšem* с функционально мягким согласным в конце основы – по аналогии с твердой разновидностью. Знаменательно, что последний способ образования грамматической формы типичен для западнословацкого диалекта.

В текстах XVIII в. язык присяг в некоторой степени меняется. Как уже было отмечено выше, в это время в Левоче произошла рекатолизация населения. Католическая церковь начала использовать методы протестантов, допуская и даже поощряя создание текстов на народном языке. Вследствие этого сразу после рекатолизации в тексты присяг стали проникать такие диалектные элементы, которые в более ранних текстах (уже) не употреблялись. Ср. следующий текст:

XVIII век

Juramentum Sylvanorum

Ja N. N. prisaham Bohu Otcí všemochucimu, Bochu Synu, Bochu Duchu svatemu, blahoslavenej Pany Marii i všem božim svatym, že ja lesy tohoto slavneho mesta kralovskeho verne podle povinnosti a možnosti mojej pilnovac budem strany jich z nikym žadnu nespravedlivu spravu, anebo nejake tajemne neslobodne znajomstvi a porozumene trimati ale tych, ktere neslobodne lesy a dreva bez dopusteni hubic budu, vedle možnosti zaberem, ale i tych, ktere by se nedali zabirac, ich milosti panu richtarovi oznamim a bez vedomosti, aneb dopusteni pana richtara, anebo lesneho pana nikomu žadne dreva nedam, nepredam, aneb darujem, a pre moje vlastne gazdovstvo bez dozvoleni lesneho pana doma nezustanem. Jednym slovem mesticke lesy vedle možnosti mojej, ktera mne prislucha, zavarujem a prikaz, aneb naučeni od slavneho magistrata, aneb pana richtara, aneb lesnych panoch zachovavat budem a vyplnim. Tak mi Pan Buch pomachaj i blahoslavena Panna Maria a všetke svati.

Наиболее отчетливо это проявляется в фиксации восточнословацкого изменения $ch > h$, которое в тексте присяги отражается в виде факультативной обратной замены; ср.: Ja N.N. prisaham Bohu Otcí *všemochucimu*, *Bochu Synu*, *Bochu Duchu svatemu*, *blahoslavenej Pany Marii* i všem božim svatym; na lesy, pole, zbože, *zachradu*, luku, prilohy¹. Специфицированное отражение находит и ассимиляция, выступающая лишь как показатель инфинитива: verne podle povinnosti a možnosti mojej *pilnovac* budem; tych, ktere neslobodne lesy a dreva bez dopusteni *hubic* budu; ale i tych, ktere by se nedali *zabirac* budu². Вновь появляются лексемы без слогового³. Под влиянием восточнословацкого диалекта появляются формы им.пад. мн.ч. местоимений, связанные с одушевленными существительными, но не отражающие категорию одушевленности-неодушевленности: tych, *ktere* neslobodne lesy a dreva bez dopusteni hubic budu; Tak mi Pan Buch pomachaj i blahoslavena Panna Maria a *všetke* svati. Вероятно, влиянием восточнословацкого диалекта можно объяснить и употребление флексии *-och* в форме род.пад. мн.ч. существительного: naučeni od slavneho magistrata, aneb pana richtara, aneb lesnych *panoch* zachovavat budem a vyplnim.

Процесс включения языка формул присяг в общесловацкий процесс тем не менее интенсивно продолжался в более позднее время. Приведем два заключительных текста, относящихся к середине XIX в.:

Polovica XIX. storočia

Formula Juramenti Molitorum

Prisaham Bohu všemohucimu, Otcu, Synu a Duchu svatemu, blahoslavenej P. Marii, všec-kym svatym a vyvolenym božim, že v mojím mlyne podle uridzeni slavneho magistratu a p[ana] arendatora povinnosti moje mlynarske podle možnosti mojej pilne a verne vyplniti chcem. Budinky ku mlynu prinaležice nezanedbam, ani kaziti nebudem, ale od škody chrániti a v dobrem stave držati budem. Panu arendatorovi poslušnost a uctivost sľubujem, obz[v]laštne ale jemu prinaležice myto od jedneho každého odbirati budem, nikomu neodpustim a od nakeho vicej, jak prinaleži, neveznem. Odnate myto hnedky do kasty ku tej potrebe pritomnej vsypem, ništ neodložim a pre sebe nezadržim. Bez cedulky p. Arendatora žadne zrno do mlyna neveznem a jestli by nekdo privezol, alebo prinesol, pokud mi cedulku, aneb

¹ В другом тексте, также датированном XVIII в., находим прямое отражение рассматриваемого изменения: Tutečnej *verhnosti* povinovatu poslušnost a cti vždy preukážem; aneb *verhnosti* oznamim.

² Впрочем, данное явление реализуется не последовательно: nejake tajemne neslobodne znajomstvi a porozumene *trimati*; aneb lesnych panoch *zachovavat* budem.

³ См. сноску 6.

dovoleni p[ana] arendatora nepreukaže, na mleni nasypat nedopustim. Jestli by sem zbadal, že nekdo znamenite vicej zrna do mlyna dava, jako na cedulki vyložene jest, alebo ustne oznamuje, techdy takovu vec p. arendatorovi oznamim a pokud on nedovoli, zrno takove nasypat a zemlet nedam. Kdyby se mezi p[anom] arendatorom a nekterymi jinymi straniva miery aneb myta roztržitost stala, v takej prihode len podle uridzeni p[ana] arendatora tak dluho pokračovat budem, pokud slavný magistrat ináč neuridi. Pri mleni taki poradek zachovavat budem, aby chudobny tak jako možny zrno sve zemlet mohel, jako ja sam pri mleni nizeho neukrivdim tak, aby zkrz mojich domácich, aneb zkrz moju čeladku, aneb zkrz jinych nikdo ukrivdeny nebol a do škody nepřišel, jak vedne tak v noci starost mati budem. Jednym slovem, povnosti moje mlynarske tak zachovavat a vyplniti se usilovat chcem a budem, jak je dobry krestian a statečný majster a mešťan podle svedomi plniti povinen jest. Nech mi tak Boh pomaha a jeho svate slovo.

Ja N.N. prisaham Bohu všemohucimu, Bohu Otcu, Bohu Synu, Bohu Duchu svatemu, blahoslavenej Panny Marii, šeckym svatym a vyvolenym božim, že ja na šetke otasky, ktere mi predložene budu, čistu pravdu verne vypoviem. Ništ ani z pritelstva, ani z nepřitelstva nepřiložim, ani nezatajim, ale šetko tak, jako mi v svedomim (!) mojem znamo jest, spravedlive vyjevím. Nech mi tak boch pomaha a jeho svate slovo.

Оба приведенных текста зафиксировали, по сути, общесловацкий идиом, формировавшийся в Юго-Западной Словакии с центром в г. Надьсомбат (современное название – Трнава), но представленный в его региональном варианте, так как в нем нашли отражение некоторые региональные особенности: форма причастия на *-l* мужского рода со вставным гласным *-o-* при наличии и типичной западнословацкой формы со вставным *-e-* (a jestli by nekdo privezol, alebo *prinesol*, pokud mi cedulku; aby chudobny tak jako možny zrno sve zemlet *mohel*), единичное употребление слова с дифтонгом, в югозападнословацких текстах, как правило, не обнаруживаемым (straniva *miery* aneb myta roztržitost stala), типичная восточнословацкая форма предл. пад. ед. ч. мужского и среднего рода прилагательных и местоимений-прилагательных, совпадающая с соответствующей формой твор. пад. при наличии формы, обычной для словацкой письменности с флексией *-ém* (v *mojim* mlyne podle uridzeni slavneho magistratu a p[ana] arendatora povnosti moje mlynarske podle možnosti mojej pilne a verne vyplniti chcem; od škody chrániti a v *dobrem* stave držati budem). Таким образом, язык «Левочских формул присяг» в полной мере отражает специфику докодификационного периода словацкого литературного языка, когда его классический вариант представлен в текстах югозападнословацкого происхождения, тогда как тексты, созданные в других регионах Словакии, отличались значительной мерой вариативности, либо полностью в языковом отношении совпадая с югозападнословацкими, либо отличаясь от них разной степенью насыщенности региональными элементами, но при этом элементы, характерные для югозападнословацкой письменности полностью никогда не вытеснялись диалектными [Lifanov 2002]. Именно этот идиом, причем в его региональной севернословацкой форме, и стал основой кодификации словацкого литературного языка, осуществленной А. Бернолаком.

Итак, язык «Левочских формул присяг», отражая наиболее важные исторические события в жизни страны и города, тем не менее находился в полном соответствии с общими тенденциями развития языка словацкой письменности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Ананьева Н.Е. История и диалектология польского языка. М., 1994. 301 с. / Ananieva N.E. (1994). History and Dialectology of Polish Language. Moscow. 301 p.
- Atlas slovenského jazyka. I. Vokalizmus a konsonantizmus. Časť prvá – mapy. Bratislava. 1968. 303 s.
- Krajčovič R. (1974) Slovenčina a slovanské jazyky. Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava. Slovenské pedagogické nakladateľstvo. 328 s.
- Lengová M. Trading activities in the Zips region (15. – 17. century). *Individual and Society*. 2012. Vol. 15. No 2, pp. 9–25.
- Lifanov K. Hierarchia kultúrnych jazykov v slovenských písomnostiach predkodifikačného obdobia. *Slovenská reč*. 2002. R. 67, Č. 1, ss. 19–29.
- Lifanov K. Spätost' jazyka východoslovenských katolíckych tlačí 18. storočia s celoslovenskou písomnou tradíciou. *Slavica Slovaca* 2017. R. 52. Č. 1, ss. 35–43.
- Slovensko. Dejiny. Bratislava. 1978. 1036 s.
- Slovensko. Prehádzky storočiami miest a mestečiek. Bratislava. 1994. 288 s.
- Suchý M. Spišské mestá v poľskom zálohu. In: Marsina R. (Ed.). *Spišské mestá v stredoveku*. Košice. Východoslovenské vydavateľstvo. 1974, ss. 55–71.
- Štolc J. Jazyk levočských slovenských prísah zo XVI. – XIX. Storočia. In: *Jazykovedný sborník*. 5. Bratislava. 1951, ss. 197–247.
- Vojtas J. Spišská Nová Ves 360 rokov v zálohu poľských kráľov. In: Kuruc J. (ed.). *Spišská Nová Ves. Zborník príspevkov k dejinám a výstavbe mesta*. Sv. 1. Spišská Nová Ves. 1968, ss. 67–151.
- Žibritová G. Slovenské tlače 17. storočia a Cithara sanctorum. In: *Cithara sanctorum 1636–2006: zborník prác z vedeckej konferencie, ktorá sa konala pri príležitosti 370. výročia 1. vydania kancionála v dňoch 22. a 23. novembra 2006 v Liptovskom Mikuláši a Liptovskom Jáne*. Martin. Slovenská národná knižnica v Martine. 2008, ss. 125–129.

Сведения об авторе:

Константин Васильевич Лифанов,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Konstantin V. Lifanov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
lifanov@hotmail.com